

Е. Д. КУКУШКИНА

ДЕРЖАВИН И К. В. ЗЛОБИН

(К вопросу о дилетантской поэзии)

Творчество поэтов-дилетантов — особое историко-культурное явление, которое недостаточно изучено. Его возникновение в России отмечено уже в середине XVIII в. в связи с изменением отношения к литературе. Усваивая поэтическую технику, начинающие поэты иногда повторяли сюжеты или темы поэзии А. П. Сумарокова.¹ Широко распространившись в конце XVIII в., это явление продолжает существовать, чутко реагируя на изменения действительности — бытовой, литературной или политической.

Поэты «третьего ряда», опубликовавшие одно-два стихотворения или сочинявшие стихи для узкого круга друзей, почти не привлекали внимания исследователей. Статьи М. П. Лепехина «„Дворянин — философ“ в кругу почитателей» о литературном окружении Ф. И. Дмитриева-Мамонова² и В. А. Западава «Проблема литературного сервизизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина»³ касаются главным образом поэтики сервизизма и рассматривают ее в том ключе, который был намечен в работе Л. В. Пумпянского.⁴ Научная литература о поэтах-любителях в основном исчерпывается сведениями, собранными в «Словаре русских писателей XVIII века».⁵ А между тем массовое увлечение стихосложением — важный факт культуры того времени.

¹ Степанов В. П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте Л, 1983 С 115 (XVIII век Сб 14)

² Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте С 304—319

³ Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века Л, 1989 С 56—75 (XVIII век Сб 16)

⁴ Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте С 3—44

⁵ Вып 1 А—И Л, 1988, Вып 2 К—П СПб, 1999

Для философии Просвещения характерен высокий общественный престиж литературы и ее приближенность к проблемам отдельного человека. Читателями становились многочисленные представители разных сословий. В стихах маститых авторов они находили мысли и чувства, созвучные своим. Кажущаяся легкость сочинительства подталкивала любителей поэзии попробовать свои силы в сложении стихов. Поклонники поэзии жаждали стать ее творцами.

Уникальный архив Державина (РНБ. Ф. 247), в котором собраны многочисленные стихи поэтов-дилетантов, позволяет увидеть некоторые общие черты в этом разнородном культурном явлении. Одним из его представителей был Константин Васильевич Злобин (1779—1813) — чиновник, служивший в 1802—1803 гг. при Державине, более известный как адресат его стихотворного послания «К молодому Злобину». Сложившееся в научной литературе мнение, что поэтические опыты Злобина не попали в печать,⁶ ошибочно. Четыре его стихотворения были опубликованы в 1808—1809 гг. в «Русском вестнике». В то же время не находят подтверждения сведения о том, что К. Злобин упражнялся также и в прозе.⁷

Литературное наследие К. Злобина — это рукописный сборник стихотворений, носящий следы авторской правки (РНБ. Q. XIV.179. Л. 1—132) два письма со стихотворными посланиями Державину и пять отдельных стихотворений (РНБ. Ф. 247).⁸

Знакомством с Державиным К. Злобин был обязан своему отцу. Василий Алексеевич Злобин (1750—1816) впервые встретился с Державиным в селе Малыковка Саратовской губернии при драматических обстоятельствах, вызванных пугачевским бунтом. В журнале, который вел Державин во время пугачевщины, он сделал запись: «Приехав в Малыковку, нашел оную в крайнем беспокойстве по причине в ней причиненных злодеями бедствий».⁹ Известно, что Державин находился в Малыковке в 1775 г. более четырех месяцев. Продолжительными оказались дружеские связи, завязавшиеся у него в этот период жизни с саратовскими знакомыми С. Зоргером и И. Вильгельми. Позднее они обращались к Державину как к советчику и ходатаю по разным вопросам. Тогда же Державин познакомился и с братом сельского писаря Ивана Злобина, В. А. Злобиным, с которым затем также поддерживал тесные отношения.¹⁰

⁶ Степанов В. П. Злобин К. В. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 340.

⁷ Леопольдов А. Биография волгского имянитого гражданина Василия Алексеевича Злобина Саратов, 1971. С. 27.

⁸ Далее ссылки на рукопись сборника и документы из архива Державина даются в тексте, с указанием листов.

⁹ Державин Г. Р. Сочинения С объяснительными примечаниями Я. Грота СПб., 1871. Т. 6. С. 503.

¹⁰ См. письмо Державина с упоминанием В. А. Злобина (1800-е гг.) Русская старина 1873. Т. 8. С. 729—730, о деловых отношениях Державина со Зло-

Благодаря знакомству с князем А. А. Вяземским, имение которого находилось неподалеку от Малыковки, В. А. Злобин получил надзор над винокуренными заводами в восточной России и Сибири. Успех дела обеспечили «счастье, ум и смелость сего простого мещанина».¹¹ В короткое время он сделался одним из богатейших людей. Значительную часть своих доходов Злобин употребил на благоустройство Малыковки, переименованной в 1780 г. в город Вольск.

В. А. Злобин был незаурядной личностью. Ф. Ф. Вигель, находясь под впечатлением от беседы с ним, отметил: «Сколько без всякого учения в простом русском человеке может быть природного ума, в каждом слове сколько толку, какой великий смысл».¹² Большую часть времени В. Злобин проводил в Петербурге. Он поддерживал дружбу с О. П. Козодавлевым, В. П. Кочубеем, М. М. Сперанским. По словам Н. И. Костомарова, «его приветливость, добродушие и роскошные обеды привлекли к нему толпы гостей».¹³ Очевидно, в семье Злобиных бывал и Державин. В стихотворении «К потомку Багримову» К. Злобин вспоминал о том сильном впечатлении, которое произвел на него Державин в детстве. Он казался строгим, но был нежным и снисходительным в обращении с мальчиком. Именно тогда в сердце ребенка пробудилась «небесна искра вдохновенья».

Знакомства отца способствовали тому, что в 1798 г. молодой Злобин был зачислен в канцелярию петербургского военного губернатора, а в 1800 г. переведен в канцелярию генерал-прокурора. Вскоре он был пожалован в титулярные, а затем в коллежские советники. В 1802 г. К. Злобин стал исполнять обязанности чиновника по особым поручениям при Державине, назначенном в сентябре 1802 г. министром юстиции.¹⁴

По воспоминаниям современников, Константин Злобин был «не совсем похожий на отца своего, с большою образованностью, только не светскою, с плохим здоровьем, лицом печальным и нравом угрюмым».¹⁵ В 1802 г. он женился на англичанке Марианне Стивенс, родной сестре покойной жены М. Сперанского Елизаветы. Противившаяся этому браку мать, Палагея Михайловна Злобина, с горя ушла в монастырь и вскоре умерла. В петербургский дом Злобиных вместе с молодой женой переехали ее мать и маленькая дочь Елизаветы. Однако вскоре супруги, по «совершенному несогласию в нравах», разъехались. Вопреки ожиданиям родных, разлука не примирила их. Спустя несколько месяцев, узнав, что жена намерена

биним см.: *Державин Г. Р. Сочинения.* СПб., 1869. Т. 5. С. 785—786, 802; Т. 6. С. 60.

¹¹ *Вигель Ф. Ф. Записки.* М., 1892. Ч. 2. С. 20.

¹² Там же. С. 101.

¹³ *Державин Г. Р. Сочинения.* СПб., 1866. Т. 3. С. 445.

¹⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 22. № 2096. Л. 6—7.

¹⁵ *Вигель Ф. Ф. Записки.* С. 22.

вернуться, К. Злобин оставил службу и отправился в Вольск управлять делами отца. Через несколько лет после смерти первой жены он женился на бедной дворянке, дочери городничего Вере Алексеевне Трифионовой. У них родились дети Елена, Ольга и Константин (в 1814 г., через шесть месяцев после смерти отца).

Окончательному увольнению Злобина со службы предшествовали его поездки в среднюю полосу России и на Кавказ. Именно тогда он открылся Державину в своем увлечении поэзией. В письме из Рязани от 19 ноября 1802 г. Злобин сообщал Державину, что выполнил служебное поручение и благодарил за предоставленную возможность увидеть родные края. Очевидно, путь лежал через Вольск, где прошло его детство. Часть письма была написана в стихотворной форме, в связи с чем Злобин признавался: «Находясь в канцелярии Вашего величества, смиренные музы мои не смели бы приблизиться и к дверям кабинета Министра Правосудия, но в отдаленности отпуска они осмелились облегчить свое сердце. Мне бы кажется, что я бы готов был взять и самую отставку, лишь бы сметь писать стихи к Вашему Величеству» (РНБ. Ф. 247. Т. 28. Л. 91). Обращением к авторитетному автору поэты-дилетанты, как правило, начинали свое вхождение в окололитературные круги. Служба в одном ведомстве с Державиным облегчила К. Злобину эту задачу.

В стихотворении начинающий поэт описывал те исторические события, которые положили начало знакомству его семьи с Державиным. Подробности этих событий он мог знать по рассказам отца. Злобин не упоминает Пугачева, но рисует в стихотворении картину всеобщего несчастья:

В плену стенают девы красны,
При плуге земледел заклан,
Влеком в далекий плен ужасный
И конь, и пеш, и стар, и мал...

«Рачения» «великого человека», под которым подразумевается Державин, «пресекли смятенья», вернули мир и покой в родные края (РНБ. Ф. 247. Т. 28. Л. 91—92 об.). Кажется, стихотворение Злобина — единственное упоминание в поэтической форме об этом факте державинской биографии. Пугачевские события, сыгравшие столь важную роль в жизни их семьи, К. Злобин описывал позже и в стихотворении «Святой ключ».¹⁶ Напоминание о знакомстве или

¹⁶ В зрелые годы друг К. Злобина П. А. Словцов также вспоминал о том, как повлияли на него в детстве «завороха Пугачевская» и связанные с ней события. Его прятали в дедовском доме, где он отогревался у камина: «Этот огонь издавна горит в моей памяти, в моем самопознании, — и далее сего огня я никогда и ничего в мире не могу припомнить назад... Как желательно бы взглянуть на этот первый маяк, при котором засветился, зажегся луч моей жизни, или, что то же, моей мысли!» (Словцов П. А. Письма из Сибири // Московский телеграф. 1830. № 3. С. 299).

встречах с литературным кумиром — одна из излюбленных тем дилетантской поэзии. Этой теме, например, посвящены хранящиеся в архиве Державина стихотворения Анны Ермолаевой (Т. 28. Л. 109—110 об.), Аполлона Нестерова (Т. 30. Л. 156—157), Б. М. Федорова (Т. 31. Л. 93—93 об.).

Державин ответил на послание Злобина, и между ними установилась переписка. Получив одобрение Державина, Злобин сопровождал свои письма стихотворными текстами. В письме от 7 июля 1803 г. «из Теплых вод, близ Константиногорска» (Пятигорска) он сообщал, что чувствует «благотворительное влияние климата и целительных вод». Природа тех мест напомнила ему «басню о Медее и Пелее», где упоминается о целительных травах и о кипящей клочущей воде, в которую погружались люди, чтобы возродиться. Злобин выразил готовность присоединиться, по предложению Державина, к только что приехавшему в те края Н. А. Львову. Известно, что Львов был командирован на Кавказ «для устройства и описания разных необходимостей при тамошних теплых водах».¹⁷ Свои впечатления от новых мест Злобин выразил в стихотворной форме. Пышная неувядающая природа, древние величественные горы представляются ему свидетелями «младенчества людских родов». Его пером водит «воображение», важнейший компонент творчества писателей-сентименталистов. Оно рисует перед его мысленным взором пылающие «Везувьи», Медею, собирающую «жизнь с магических цветов», курящиеся хребты древних гор (РНБ. Ф. 247. Т. 28. Л. 128—131 об.). По-видимому, вскоре Злобин переработал и дополнил это стихотворение. Его новый вариант находится в архиве Державина среди корпуса из пяти стихотворений, имеющих помету в правом верхнем углу «с Кавказу». В стихотворении появляются темы «вечности» и «творчества». «Дела и звуки славы всей померкнут», вечной останется лишь поэзия:

Лишь ты, поэзия священна
Святою правдой воскрыленна
Превыше длани роковой...

Поэзия, по мнению Злобина, имеет голос настолько «сильный, громкий», что «урок», который она может преподнести, услышит и новый, «возродившийся» мир. И потому поэт Державин — «наперстник вечности священной» (РНБ. Ф. 247. Т. 28. Л. 58).

Стареющий Державин, порой осмеиваемый новыми властителями поэзии, в начале XIX в. продолжал существовать в эстетическом сознании многих читателей. К. Н. Батюшков, хорошо знавший поэзию Державина, часто цитировал ее и удивлялся, что существуют люди, «которые никогда не трепетали от восхищения при чте-

¹⁷ Русский биографический словарь. СПб., 1914. С. 783. Т. Лабзина—Ляшенко.

нии стихов Державина»¹⁸ С П Жихарев часто приводил слова Державина в подтверждение своих мыслей, используя обороты «Державин прав», «по словам Державина», «ну как не вспомнить пророческих стихов Державина», «по словам неистощимого и неисчерпаемого Державина», «как назвал его Державин»¹⁹

В суждениях поэтов-дилетантов наравне с подчеркнутым преклонением перед талантом Державина и почитанием его заслуг присутствует и элемент самоутверждения, основанный на ощущении их собственной причастности к поэтическому творчеству Так, один из корреспондентов Державина, любитель поэзии Н Ф Врасский, писал в стихотворении с характерным названием «К честолюбию» «Кто думал, кто гадал, чтоб я когда-нибудь в писатели попал?»²⁰

Отличительной чертой дилетантской поэзии было сочинение стихов не по вдохновению, а «по случаю» Узнав об отставке Державина, Злобин написал стихотворное послание «На новый 1804 год», проникнутое мрачными предчувствиями Уходящий год представляется ему могучим исполином «с угрюмым оком», который, нехотя, «озираясь», уступает место новому году По мнению Злобина, справедливость попрана «Ужели тот / Кто правду на суде восставил / Гнан будет мрачной клевете / Наемной черни в иступлень» (РНБ Ф 247 Т 27 Л 64 об) Стихотворение Злобина «На смерть Суворова к Державину» является откликом на стихотворение Державина «К снигирю По кончине князя Суворова» Злобин находится во власти существующих стилистических традиций Стихотворение изобилует привычными поэтическими символами седой туман, кипарисы, гробница, поблекший венок Державина он сравнивает с орлом, «уязвленным в крыло», который сетует на гробе своего друга²¹

Оставив службу, Злобин продолжал поддерживать переписку с Державиным В письме от 18 марта 1806 г Державин благодарил Злобина за «прекрасные стихи» о себе и еще три «мелкие стиха», присланные ему²² Державин имел в виду стихотворение, написанное Злобиным «по прочтении перевода Пиндаровых од» В нем Злобин сравнивал Державина с «бессмертным певцом Фив» Державин похвалил молодого поэта за «нежные мысли», сделал замечание,

¹⁸ Цит по Кошлев В А «Но ах, почто так долго жить?» (О феномене «Старика Державина» в литературе начала XIX века) // Державинский сборник Новгород, 1995 С 16

¹⁹ Жихарев С П Записки современника Л, 1989 Т 1 С 129, 132, Т 2 С 48, 58

²⁰ РНБ Ф 247 Т 24 Л 92

²¹ Русский вестник 1808 Ч 1 С 202—203 Подпись К 3

²² Русская старина 1873 Т 8 С 730—731 По автографу ЦГАДА (ныне РГАДА) опубликовано М А Арзумановой без ссылки на публикацию в «Русской старине» Письма русских писателей XVIII века Л, 1980 С 396—399

касающиеся двух последних строк первой строфы, которые показались ему «темны», и предложил свой вариант одной из строк. Этот вариант не был принят Злобиным, и стихотворение было опубликовано в первоначальном виде.²³ В другом случае, как отмечает М. А. Арзуманова, К. Злобин учел некоторые советы Державина. Они касались рифмы в стихотворении «Соловей. Подражание старинной песне, петой чувствительною и несчастною Т.». Браня Злобина за пренебрежение к рифмам, Державин все же со свойственной ему снисходительностью одобрял его занятия поэзией: «Когда в одном куплете начали писать с рифмами, то не надобно уже оставлять в небрежении рифмы и в других куплетах. <...> И потому я прошу вас не торопиться, а пересматривать в продолжении некоторого времени и, помалу исправляя, приводить в совершенство, следуя правилам Горация. И я вас уверяю, что ежели вы последуете сему дружескому совету, то вы будете из первых наших певцов».²⁴ Державин подметил характерную черту дилетантской поэзии — поспешность в сочинении стихов и небрежность в подборе рифм.

В «Русском вестнике» были напечатаны еще два стихотворения Злобина. Вступая в спор с теми, кто считал «старика Державина» поэтом лишь ушедшего XVIII в., Злобин писал в стихотворении «Гаврииле Романовичу Державину»:

Твой блеск из века в век пройдет.
Тебя потомство благодарно
Ко временам своим причтет.
Так! Ум, к бессмертью устремленный,
Есть ум по славе современный
Всем поколениям и векам!..²⁵

Поэзию Державина по силе ее воздействия на читателей Злобин сравнивает со «Словом о полку Игореве», эпиграф из которого предпослан стихотворению «Державин».²⁶ Он отмечает умение Державина «воспарить» над изображаемым предметом и «воспеть» его, что соответствовало требованиям одической поэзии. Гениальность Державина, по мнению Злобина, проявилась в словесной передаче зрительных образов: читатели «зрели» все, что описывал поэт, будь то природа или слава «в полном расцвете»:

Видим Олегов новых на бранях
И Святослава с отцом...
Шлемы железны, брани тяжелы
Сомкнуты вместе, скрипят...

²³ Русский вестник. 1808. Ч. 2. С. 80. Подпись: К. З.

²⁴ Письма русских писателей. С. 396.

²⁵ Русский вестник. 1808. Ч. 1. С. 320.

²⁶ Русский вестник. 1809. Ч. 5. С. 316—323. Подпись: Село Малыковка, 1808 года, месяца декабря.

Сборник стихотворений К. В. Злобина представляет собой томик в синем картонном переплете с окантовкой обложки красным цветом с золотом. На титульном листе значится: «Собрание сочинений К. В. Злобина. Волск». Он включает 54 стихотворения, написанные в разное время, в том числе опубликованные. Стихи Злобина описательны и носят в большинстве своем личный характер, тяготея то к дружескому посланию, то к лирическому дневнику. Он обращается к отцу, друзьям, вспоминает события собственной жизни. Утверждение частной жизни, открытое поэзией конца XVIII в., стало основным источником для дилетантского стихотворчества.

Порядок расположения стихов в поэтическом сборнике Злобина характеризует его систему ценностей. Сборник традиционно открывается «Гимном Богу», затем следуют стихи «Моему родителю», «Державин», поэтические обращения к друзьям. П. А. Слобцову, В. Н. Каразину, Д. Д. Данскому.

Стихотворение «Гимн Богу» начинается описанием грозы на Волге. Традиционными лексическими средствами рисует Злобин картину предгрозово́й природы: «мрачные дебри», «с треском роши преклонились», «вдруг грянул гром». Описание природы переходит в размышления о Божием могуществе, которые формулируются перефразируемыми строками оды Державина «Бог» — произведения, чаще других вдохновлявшего начинающих поэтов на сочинение стихов:

Непостижимый и Великий
Во всех твореньях бытия,
Которым Херувимов лики
Живут, и бедный червь, и я

(Л 4)

Поэзия Злобина питалась от двух источников — поэтического мира Державина и от того духовного подъема, которым было охвачено общество в начале правления Александра I. Начинаящий поэт относился к числу патриотически настроенных молодых чиновников, которые возлагали большие надежды на нового императора. Восшествие на престол Александра I было с энтузиазмом встречено литераторами. И. А. Второв отметил в это время в своем дневнике: «Все пишут в похвалу его стихи и прозу, грамотные и безграмотные, кто как умеет».²⁷ В предисловии к стихотворению «Долг царей» Злобин указал «Первая идея этой пиесы развилась в душе моей в начальные дни царствования Александра I-го. Теперь она переменяется во многом и предмет ее увеличен. Ему бы надлежало быть и еще обширнее, обнимая весь мир, но он приноровлен более

²⁷ Цит по *Державин Г. Р. Сочинения С объяснительными примечаниями* Я. К. Грота 2-е изд. СПб., 1869 Т. 2 С. 233—234

к моему отечеству, да посвятится же ему вся жизнь моя с сладчайшими своими надеждами и мечтами!» Подобно тому как Державин рисовал в «Фелице» идеализированную картину правления Екатерины II, а в «Оде на восшествие на престол императора Александра I» указывал на необходимые изменения в монархической политике, Злобин перечисляет те нравственные принципы правления, следования которым он ожидает от императора:

Он нашей крови не прольет,
Он жребий облегчит народный,
Сиротски слезы он отрет.
Забвенну добродетель взыщет
В полках, во граде, на селах,
Святую истину обнимет,
Почтит заслугу в седилах,
Приблизит правду он ко трону
И да сберет себя вокруг
Кто на Очаков вел колонну,
Кто был Екатерины друг...
<...>

Он храм наук уж опустелый
Явит во славе торжества,
Утешит муз осиротелых...

(Л. 24 об.—28)

Один из ближайших друзей и единомышленников К. Злобина Василий Назарьевич Каразин (1773—1842) предпринял попытку реализовать свои представления об идеальном государственном устройстве. Начало своей, казалось, блестящей карьере он положил неординарным поступком: тайком оставил на столе императора записку, в которой в деталях рисовал ожидаемую программу либерального правления. Его идеи и предложения заинтересовали Александра I. Каразин стал принимать участие в составлении и обсуждении различных проектов, давал рекомендации при назначении чиновников на должности, даже выполнял некоторые щекотливые поручения императора. В 1802 г. он был назначен правителем дел Комиссии об учреждении училищ. При его непосредственном участии был организован Харьковский университет. Однако многие начинания Каразина встречали препятствия со стороны чиновников, и в августе 1804 г. он был отставлен от службы.²⁸

В стихотворении «Райская птица. Другу моему В. Н. Каразину», датированном 23 сентября 1803 г., Злобин использует сюжет, восходящий к западноевропейской легенде и вошедший в «Великое зеркало», а также в «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцко-

²⁸ См.: *Абрамов Я. В.* В. Н. Каразин. Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1891.

го. В легенде рассказывалось о монахе, который, наслаждаясь пением райской птички, не заметил, как прошло 345 лет. Этот сюжет переложил Н. М. Карамзин, придав ему иной смысл. В его рассказе «Райская птичка» говорится о чудесном воздействии искусства на человека.²⁹ По мнению Злобина, Карамзин подобен человеку, заслушавшемуся райской птицы. Он потерял связь с реальностью, находясь в плену собственных идей. То «общее благо», которому он готов был пожертвовать жизнь — лишь «несбыточный сон». Сея добро, он пожинал лишь «скорбь и слезы». Злобин называет своего друга «заблудшим». Он вспоминает, как сам «горе мыкал», ловя «скользкий случай»: «Блажен, однако, что проснулся / И правды с былью не проспал». Злобин советует Карамзину последовать своему примеру и «пожить безмолвно в тишине», чтобы очнуться от «сна» городской жизни (Л. 13 об.—16).

Уход от суеты и пороков столичного города ради жизни в провинции, где Злобин занялся делами отца, был для него в равной мере реализацией идеалов, провозглашаемых сентиментализмом, и вынужденным поступком, к которому его подтолкнули личные обстоятельства и разочарование в государственной службе, как возможности служения высоким идеалам. Однако гораццианский идеал частного бытия вполне совместим, по мнению Злобина, с участием в жизни общества, только это участие имеет иную форму — литературную. В стихотворении «Беспечность. К В. Н. Карамзину» Злобин утверждает, что хотя на его безмолвной «лире» паук свил свою «хитросплетенну ткань», ее струны всегда готовы зазвучать: «Героя мира воспою, тебя, о Козодавлев добрый!» (Л. 20—21). По-видимому, Злобин имел в виду деятельность О. П. Козодавлева в Комиссии по пересмотру уголовных дел, где он прославился гуманными решениями.

Адресат нескольких стихотворных посланий Злобина Петр Андреевич Словцов (1767—1843) также испытал превратности судьбы. Он получил образование в Тобольской, а затем в Александро-Невской духовной семинариях, где познакомился с М. М. Сперанским, дружбу с которым сохранил на всю жизнь. Словцов преподавал в Тобольской семинарии, когда за «вольнодумные» мысли, высказанные в проповедях, был в 1793 г. выслан в Валаамский монастырь. В своих проповедях он говорил об общественном неравенстве людей, утверждая: почтение, которое испытывают люди к титулам — это «суеверное наше обоготворение истукана». «Преимущества и отличия» некоторых, «сии звезды и кресты суть искусственные насечки, доказывающие только то, что мы имеем художества». «Если

²⁹ Крестова Л. В. Древнерусская повесть как один из источников повестей Н. М. Карамзина «Райская птичка», «Остров Борнгольм», «Марфа посадница». (Из истории раннего русского романтизма) // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 205—208.

не все граждане поставлены в одних и тех же законах; если в руках одной части захвачены преимущества, отличия и удовольствия, тогда как прочим оставлены труды, тяжесть законов, или одни несчастия, то там спокойствие, которое считают залогом общего счастья, есть глубокий вздох, данный народу тяжким ударом».³⁰ Год, проведенный в монастыре, подорвал его здоровье, но обострил чувства, укрепил интерес к поэзии. Известны стихотворные послания Словцова к М. Сперанскому, написанные в это время.³¹

По возвращении в Петербург Словцов был определен преподавателем красноречия в Александро-Невскую семинарию. Одновременно он исполнял обязанности домашнего секретаря А. Б. Куракина и по его рекомендации был принят в штат генерал-прокурора. При Александре I Сперанский, а затем и Словцов стали служить в канцелярии при «Непременном совете», учрежденном для рассмотрения важных государственных дел. Затем Словцов, благодаря своим необыкновенным способностям по составлению деловых бумаг, был приглашен на службу в Министерство коммерции и в 1802 г., по поручению графа Н. П. Румянцева, занялся изучением черноморской торговли. Однако успешная карьера внезапно прервалась в 1808 г. Словцов был обвинен во взяточничестве и направлен на службу в Тобольск, в штат канцелярии генерал-губернатора И. Б. Пестеля.³²

В стихотворении «При подарении Реналья» Злобин сравнивает Словцова, «гонимого царями и пастырями», снискавшего «врагов за правду», с его «предшественником в бедах» французским философом, одним из идеологов Просвещения, Г.-Т.-Ф. Рейналем (1713—1796), который «подал руку» идти по новому пути (Л. 30—31). В стихотворении «Два странника», используя сюжет притчи о двух путниках, которых в дороге застала непогода, Злобин советует другу не останавливаться, а продолжать свой путь «с надеждой на себя» (Л. 104—105 об.). В других стихотворных обращениях к Словцову звучат горацианские мотивы. Злобин вспоминает прекрасные майские вечера, которые они проводили вместе, прогуливаясь по аллеям парка («Воспоминания», л. 35—38). Он приглашает друга отдохнуть у пылающего камина, где на столе соседствуют виноградное вино и томик Горация («Зима», л. 12—13).

Мысли о несправедливом общественном устройстве, созвучные размышлениям Словцова в его проповедях, Злобин высказал в стихотворении «Древняя порода». Эпиграфом к нему сложат строки 81-го псалма, который лег в основу оды Державина «Властителям и судиям». Стихотворение начинается размышлением о времени, ко-

³⁰ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1957. С. 400—402.

³¹ Русская литература. Век XVIII. Лирика. М., 1990. С. 524—526.

³² Беспалова Л. Г. Сибирский просветитель. Свердловск, 1973.

торое «преобразует племена», своей неумолимой мощью «стирая царства и царей». Эта метафора через несколько лет войдет в историю поэзии с последним стихотворением Державина «Река времен» «...и топит в пропасти забвенья / народы, царства и царей». Очевидно, существовала «обратная связь» между Державиным и его почитателями-стихотворцами. Некоторые удачные метафоры или художественные приемы, употребленные поэтами из литературного окружения Державина, творчески осваивались им, обогащали его поэтический язык. Напомню отмеченную Н. П. Морозовой близость между тем же стихотворением Державина и строкой «река времен тебя почитит» из стихотворения А. С. Козлянинова,³³ а также семантическую, композиционную и лексическую близость «Реки времен» Державина и стихотворения М. М. Хераскова «Время» (1761).³⁴ Злобин свободно интерпретирует тему несправедливости, намеченную в псалме:

Противоречие во всем
Встречает разум огорченный
В одном и том же мире сем
И те же люди разделены
Непостоянствами заслуг
Не ум, не возвышенный дух —
По случаю и по породе

По мнению Злобина, «древняя порода», которая одна дает человеку власть над людьми, — «ничтожество и суета». Заслуги людей должны определяться их «гражданскими доблестями», а их можно найти и среди тех, кто «в полях при плуге». «...кто поле класами покрыл, / В торговле новый дух пролил» (Л. 48 об.—53). Эти мысли он развил в стихотворениях «Щастие. К другу моему Д. Д. Данскову» (Л. 9—11 об) и «В похвалу гражданских доблестей моего отечества. К возлюбленному родителю Василью Алексеичу Злобину» Сетуя, что никем не замечена «доблесть жизни сельской», Злобин предлагает поэзии новых героев:

Герои мира при сохах,
Отцы семейств своих счастливых
В содеяньях, в душе, в словах
Великих, добрых, справедливых
(Л 32—34 об)

Человеком, в полной мере обладавшим «гражданскими доблестями», Злобин считал своего отца. В стихотворении «К моему

³³ Морозова Н. П. О последнем стихотворении Державина // Русская литература 2002 № 2 С 140

³⁴ См. Кукушкина Е. Д. Поэзия М. М. Хераскова. Поиски смысла жизни // XVIII век СПб, 2002 Сб 22 С 107

родителю» он сожалеет, что не обладает «даром» Державина и «жаром» Ломоносова, чтобы достойно «возгреть» ему хвалу. Одическому стилю все еще не находилось адекватной замены в системе литературных жанров. Отцу Злобин посвятил и первую строфу в переложении 40-го псалма.

В переложениях псалмов 40-го и 54-го наиболее выразительно проявилось лирическое «я» поэта. В них говорится о страданиях, вызванных предательством близких людей, что находило соответствие в его личном опыте. Это самые эмоционально насыщенные стихи Злобина. Пересказывая текст 40-го псалма, Злобин усиливает его экспрессию добавлением новых, индивидуальных деталей в описание «злодейств» врагов:

Я рек! О, Господи всемогущий,
Спаси и душу исцели.
Слова убийственны, прискорбны
Враги мои ко мне рекли.
Умрешь — с тобою пресечется
Век имя рода твоего...
<...>
Дела законопреступленья
И гибель устроили мне...

(Л. 107—108)

Смятение и растерянность человека, преданного близким другом, слышатся в переложении 54-го псалма, сохранившего только основную тему оригинала:

Душевной горестью смущаясь,
Терпя хулу обидных слов
И лютой скорбью раздираясь,
И раздраженный от врагов...
<...>
Когда бы враг мой, упрекая,
Восстал — я от него б стерпел...
Но ты, недавно мне любезный
Единомысленный друг мой,
Кто все движения сердечны
И тайны ведал за душой,
С которым вместе наслаждался
Во дни веселья моего,
С которым вместе поклонялся
Во храме бога одного...

(Л. 108 об.—110)

Жизненные реалии, индивидуальные вкусы, привычки и пристрастия Злобина проступают в его небольших по объему стихотворениях. Он обращается мыслью к тому времени, когда прогуливался с друзьями по набережной Невы, восхищаясь зарей и «без

страха и сомнения» думая о будущем («Прогулка по набережной. К Лиде», л. 101 об.—102). Увидев во сне первую жену, «бедную Мери», испытав волнение и раскаянье, он описывает свои чувства («Сон», л. 106—106 об.). В стихотворной записке «К N. N.» Злобин просит у товарища извинения за то, что в «бурный, снежный» день остается дома, чтобы наедине поразмышлять у камина (Л. 88—89). Добрými пожеланиями в стихах Злобин сопровождает посылку к нему же верховой лошади (Л. 65—65 об.).

В стихотворении «Удовольствия жизни», обращенном «к доброму А. Я. Т.» (вероятно, к тестю Алексею Трифонову), Злобин перечисляет то, что, по его мнению, делает человека счастливым. Это традиционные христианские ценности: «родимая семья», любимая жена, умение судить «по правде», возможность принимать «странных» (т. е. странников) в своем доме, посещать несчастных в болезни, возможность иметь «нелюбимых, истинных друзей» (Л. 102 об.—104). Эта тема продолжена в стихотворении «Мир», построенном на полисемии. Слово «мир» употребляется в различных значениях: мир — природа, мир — антоним войне, мир — душевное спокойствие (Л. 17—19 об.). Прообраз этого художественного приема, использованного Злобиным, возможно, кроется в широко известном в то время стихе Н. М. Карамзина «тот в мире с миром уживется».³⁵ А. Х. Востоков в примечании к строке «но в мире уживемся с миром» своего стихотворения «Зима» прямо указывал, что она является аллюзией на стих Карамзина.³⁶

Одним из тяжелейших испытаний человека является, по мнению Злобина, одиночество. Стихотворение «Одиночество. К И. М. Матвееву», датированное 11 ноября 1808 г., он предваряет эпиграфом из Экклезиаста: «И обратихся аз, и видех суетство под солнцем; Есть един, и несть втораго, ни сына, ниже брата, и несть конца всему труду его» (4: 7—8). Стихотворение написано, по-видимому, под впечатлением от встречи с И. М. Матвеевым, знатоком искусств, собирателем древностей. Богатство, окружающее его, не принесло ему счастья.

Рассеян, скучен, в мыслях мрачных
Средь древних мраморов и бронз,
Из дальних стран тобой собранных,
Средь дышащих в фарфоре роз
Грустишь — и грусть, стыдясь, скрываешь
И от себя и от других.

И. М. Матвеев, по словам Злобина, страстно любивший искусства, мечтавший об их распространении в родной стране, не видел

³⁵ Послание к Александру Алексеевичу Плещееву // Аонидаы. 1796. Кн. 1. С. 17.

³⁶ Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах А. Востокова. СПб., 1805. Т. 1. С. 97.

путей к исполнению своих надежд; не испытал он и личного счастья (Л. 124 об.—127 об.).

Идеалом Злобина становится «спокойствие». В предисловии к незаконченному произведению «Сирены», замысел которого возник, как заметил В. П. Степанов, под влиянием стихотворения Державина «Четыре возраста»,³⁷ Злобин писал: «Спокойствие — это чувство, которому уступили все блестящие призраки моего воображения». Он предполагал сочинить четыре песни, которыми сирены «старались прельстить царя итакского на морях своих». Первая должна была воспеть любовь и наслаждения молодости, вторая — славу, третья — мудрость, четвертая — спокойствие. Однако, «обрисовав первую песнь, сперва не хотел, потом не мог продолжать далее — прекрасные мечты вокруг меня рассеялись, и я написал только последнюю — спокойствие» (Л. 114).

Следование избранной социальной роли — поэта, живущего в уединении и довольствующегося «спокойствием», давалось Злобину нелегко, тем более что безмятежность существования нарушалась хлопотами по коммерческим делам. Тяготясь своей удаленностью от литературной жизни, Злобин с грустью вспоминает о былых беседах с «Бояном» — Державиным и Н. А. Львовым, называя последнего «Сильфом», по имени персонажа его комической оперы «Сильф, или Мечта молодой женщины»:

Я Сильфа знал еще младого
Медоточивые уста...
При мне Боян пел вдохновенный,
Небесны гимны излагал,
Ему внимали восхищенны,
Я первый слезы проливал...

Злобин мечтает, что снова созовет друзей для разговоров об искусстве, литературе, жизни:

Я вспомню Хлою и Данаю,
Про все я буду говорить,
Скажу, чего и сам не знаю —
Как мудрым, как счастливым быть.

(«Весна», л. 59—61)

Последняя строка ассоциативно отсылает к «Фелице» Державина: «Подай, Фелица, наставленья, / Как пышно и правдиво жить».

Многие стихотворения Злобина не столько поэтичны, сколько информативны. Они позволяют отчасти дополнить сведения о его отношениях с Державиным и другими литераторами. Так, в 1809 г. Злобин получил в подарок от Державина его только что изданное Собрание сочинений («Благодарность Державину за подарок ново-

³⁷ Степанов В. П. К. В. Злобин. С. 340.

го издания своих сочинений 1809 года», л. 128—129 об.). В другом стихотворении Злобин рассказывает Державину о своей встрече с И. И. Дмитриевым и о впечатлениях от знакомства с ним:

Я был у Дмитрева, и знал конечно,
Что тот, кого любя сердечно,
Хариты милые от юных дней
Назначили себе певцом любимым,
Не может быть ни злым, ни горделивым,
Что вкуса друг наверно друг людей.

Но мнил ли я в моем уединеньи,
Что тихий глас моих безвестных пений
Тобой уже коснулся и его.
Я думал, что в лесах, в пустынях дальних,
В глуши, при шуме волн и сосн печальных,
Он не услышится ни от кого...

Вдохновленный встречей с И. И. Дмитриевым, К. Злобин пытается определить природу своего творческого горения. Он сравнивает свой поэтический дар со свечой, зажженной от огня, добытого Державиным, со светлячком, «что светит при тропе и путника к себе зовет» («Державину», л. 130—131 об.).

В русской классицистической литературе существовала традиция уподобления писателя античному автору, на чей эстетический опыт он ориентировался, то есть номинация через известное имя.³⁸ В конце XVIII в. в среде писателей-дилетантов возникла другая традиция, построенная по той же модели, но в сниженном ее варианте — определять свое скромное место в литературе как отсвет творчества литературного кумира. Так, например, А. С. Козлянинов сравнивал себя с птичкой малиновкой, перенимающей мелодии у соловья — Державина.³⁹ Отказываясь слагать похвальную оду Екатерине II, Н. М. Карамзин, не без лукавства, в аналогичных выражениях ссылался на слабость своего таланта:

Лишь безумец зажигает
Свечку там, где Феб сияет.
Бедный чижик не дерзнет
Петь гремющей Зевса славы...⁴⁰

Послание Державина «К молодому Злобину» написано, как указывает Я. К. Грот, 20 мая 1810 г. К этому времени стихотворения

³⁸ Кузнецов В. А. Поэтические уподобления в русской литературе XVIII в. (К вопросу о персонифицированности классицистического эстетического сознания) // Вестник СПбГУ. 1993. Вып. 1. Серия 2. С. 73—77.

³⁹ Козлянинов А. С. Урывки времени. СПб., 1820. С. I—IV.

⁴⁰ Ответ моему приятелю, который хотел, чтобы я написал похвальную оду Великой Екатерине // Лонида. 1796. Кн. 1. С. 28.

Злобина уже появились в печати и он, таким образом, публично заявил о себе, как о поэте. В то же время он продолжал заниматься делами торговли. Державин усмотрел в этом противоречие. Эпиграфом его стихотворного обращения к Злобину служат строки «Кая бо польза человеку, аще мир весь приобретает, душу же свою отщетит» (Матф. 16: 26), подчеркивающие несовместимость материального и духовного богатства. Стихотворение построено на противопоставлении двух сфер человеческой деятельности — торговли и поэзии, которые сочетал Злобин. Это «условья, договоры на хлеб, на соль и на вино» — и хоры «парнасских певцов»; споры «об откупях, торгах, подрядах», сменяющиеся разговорами о красоте «пастушек». Несколькими годами раньше Злобин в стихотворении «К потомку Багримову», написанному вскоре после отставки Державина с поста министра юстиции, вспоминал о спорах, которые еще недавно «с жаром» велись о нем в обществе: «Чему ты должен предпочтенно / В сей жизни посвятить здесь дни — / Поэзии ль ты для потомства, / Иль правосудию для нас...» (Ф. 247. Т. 27. Л. 59 об.).

Державин выстраивает целый ряд противопоставлений, касающихся Злобина: «смирен душой, прозваньем зlobен», «поэт душой, купец породой», «барышник, стиходей — суть двое, ты выбери добро любое». Совмещавшему в свое время государственную службу и литературное творчество Державину казались несовместимыми занятия поэзией и торговля, «барышничество». Прием противопоставления соблюден и во второй части стихотворения, где Державин показывает, что последует за тем или иным выбором Злобина. Красочно изображая жизнь богача, а точнее, человека, надевшего властью, и жизнь поэта в уединении, Державин описывает два, столь разных, периода собственной жизни. Когда богат,

Сколь узришь лести разны роды
Тогда из уст и из очей.
Вскричат свои пииты оды;
Пук перьев взяв из-за ушей,
Дьяки вспрыгнут херить доклады,
Те в долг просить, а те — награды.

Другая жизнь ждет поэта:

Не влюбишь пиршеств, ни именья,
А тихих Пиэрид лишь пенья.
И внутрь коль ощутив довольство, —
Твоя подруга при тебе, —
Достаток нужный и спокойство
Удержишь век свой при себе...

Державин убеждает Злобина: нельзя поймать двух зайцев сразу, нельзя сыскать «волшебну розгу», «чтоб быть и все и вся»:

Дерзай: будь чудо-феникс в мире!
Не игрывал Мидас на лире.⁴¹

По-видимому, Злобин и сам ощущал противоречие между своим литературным призванием и социальной принадлежностью. 9 марта 1806 г. он подал в Саратовское дворянское депутатское собрание прошение о признании его дворянином и внесении его имени в родословную книгу Саратовской губернии, ссылаясь на то, что манифестом его Императорского Величества от 21 апреля 1785 г., утвержденным 2 апреля 1801 г., он был пожалован грамотой в доказательство благородного дворянского достоинства. 18 апреля того же года решение было принято, однако за недостатком некоторых документов, в том числе аттестата о службе отца, патент на дворянство выдан не был.

В последние годы жизни Злобин, как в свое время и его отец, занимался благотворительностью, за что получил от Александра I Орден святого Владимира четвертой степени. Неизвестно время его вступления в масонскую ложу. Открытый Злобиным в 1810 г. в Вольске пансион «ПроPILEи» просуществовал до его смерти.

Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 2004 г. приобрел принадлежавшую К. В. Злобину записную книжку небольшого формата в красном бумажном переплете, с медной накладкой на обложке в виде ленты и медной застежкой.⁴² Первые 12 пронумерованных листов книжки заполнены рукой Злобина в период с 6 июня по 14 июля 1812 г. и свидетельствуют о тяжелой болезни, которой он уже тогда страдал. На л. 15 за подписью «В. З.» — запись, сделанная его женой Верой Алексеевной: «Благодетельный и единственный друг мой Константин Васильевич Злобин кончил жизнь свою в непрерывных заботах для блага ближних своих...», с указанием даты смерти в ночь с 12 на 13 сентября 1813 г. На нескольких следующих страницах их сын К. К. Злобин в 1836 г. поместил свой послужной список и отметил некоторые важные семейные события, как то: «5 ноября 1834 г. моя сестра Ольга вышла замуж за контр-адмирала Мелихова». Судя по владельческой записи, в 1937 г. книжка принадлежала Е. А. Румянцеву.

С кончиной Злобина дело о выдаче ему патента на дворянство остановилось. Оно было возобновлено в 1824 г. вдовой Злобина и опекуном его малолетних детей войсковым старшиной Д. Д. Дансковым. Были истребованы новые документы: аттестат о службе К. Злобина, указание места заключения брака и другие. Но и 11 марта 1860 г. Сенат не утвердил внесение Константина Злобина в родословную книгу, ссылаясь на отсутствие некоторых документов, а также на то, что вместо гербовой бумаги были употреблены три листа простой. Дело о дворянстве К. Злобина и его сына Константина

⁴¹ *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1866 Т. 3. С. 445—448.

⁴² За информацию об этом благодарю Н. П. Морозову.

Константиновича Злобина, к тому времени служащего в Министерстве иностранных дел, директора Государственного и Санкт-Петербургского главного архивов, тайного советника, было окончательно решено лишь 7 апреля 1869 г.⁴³

Дилетантское стихотворчество, опиравшееся на традиции и устойчивые поэтические формы, было тем не менее очень разнородным явлением, которое расширяло жанровые и тематические границы поэзии. Гражданственная линия поэзии и утверждение частной жизни, подхваченные и развитые поэтами-дилетантами, станут на новом, более глубоком уровне поэтического обобщения основой для предромантической поэзии первой трети XIX в.

⁴³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 22. № 2096. Л. 1—54.